

Празднование 300-летия дома Романовых, 1913 год

Празднование 300-летия дома Романовых, 1913 год

стиком скатертей и рубах, деревянных бус, расписных портсигаров и вязаных платков, производством которых были вынуждены зарабатывать себе на жизнь эмигрантки первой волны, для которых тонкое рукоделие (иногда гораздо более тонкое, чем то, на которое существовал спрос) еще в мирные времена зачастую служило хобби. Другим средством существования для русских аристократок-беженек становились ателье. Каким бы ни был персональный вкус хозяйки, одевавшейся до этого у парижских модельеров, еще одно парижское ателье в Париже далеко не всегда могло служить хорошим источником заработка. Приходилось нажимать на всю ту же «русскую экзотику», и в Париже стали образовываться артели-авуары русских портних, производящих вещи с народными и фольклорными мотивами. Одной такой артелью руководила княгиня Лобанова-Ростовская, другое русское ателье — «Китмир» — принадлежало великой княгине Марии Павловне и среди прочего обеспечивало элементами русского костюма (например, вышивкой) мастерские Коко Шанель, заинтересовавшейся русским стилем на общей волне. Среди элементов русского стиля были «боярские» стоячие воротники верхней одежды, вышитые подпоясанные белые рубахи и косоворотки, шали, лубочные батики и головные уборы, повторявшие формой кокошник.

Обилие меха, ручной работы, высококачественных тканей делало эти вещи недоступными для простых покупательниц (и, печальным образом, для самих обнищавших русских аристократок, зачастую имевших возможность показаться в такой псевдорусской

рубахе только на подиуме — в качестве манекенщицы). Это отлично сочеталось с впечатлением, которое десятилетием раньше произвели на парижан Ballets Russes, тоже устроившие русский мини-бум в моде: подражая Баксту, создавшему сценические костюмы для дягилевских постановок, модельеры делали расшитые сапожки с меховой оторочкой и круглые «боярские» шапки. Закреплялся стереотип «русского» костюма, того самого *a la russe*, в котором архаика и «народность» сочетались с броской роскошью, напоминающей скорее о купеческих (в определенном смысле), чем об аристократических вкусах. Интересно, что в самом СССР в это же время шла напряженная работа по созданию костюмов, зачастую опиравшихся на эстетически и концептуально новые идеи, — но таких идей в целом хватало и самой Европе. Кроме того, дизайнеры, интересовавшиеся работой русских авангардистов — как оставшихся в СССР, так и эмигрировавших, — редко маркировали свои работы как имеющие специфически «русское» влияние.

По мере того как слова «русский офицер» все чаще стали ассоциироваться у европейцев не с образом прекрасно образованного изгнанника судьбы, а с образом «красного зверя», в Советском Союзе шло становление «большого стиля». Имперская роскошь сменила хозяев — но у тех, кто приезжал в СССР или видел фотографии из Страны Советов, впечатление безмерного, постоянно демонстрируемого богатства, явно призванного ослеплять, если не подавлять, сохранялось. Кроме того, казалось, что с ростом уровня жизни в Москве

¹ Гершельман А., Моя служба камер-пажем при дворе Императора Николая II // Кадетская переписка. 1998 г. №64–66

² Цитируется по: Зимин И. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX в. М.: Центрполиграф, 2011 г.

³ А. С. Пушкин, дневники, 27 ноября 1833 г.